

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-271-273

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПИСЬМЕННАЯ И ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

15 февраля 2023 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялось торжественное заседание, посвященное 75-летию юбилею Глеба Валентиновича Маркелова. Ученик Н. С. Демковой, Г. В. Маркелов пришел работать в ИРЛИ еще в пору своего студенчества, а в настоящее время является старшим научным сотрудником Древлехранилища им. В. И. Малышева. Неутомимый археограф, знаток древнерусской книжности и иконографии — таковым известен юбиляр в среде коллег и ценителей рукописного наследия России XVII–XX веков. Подобное соединение пристрастий Маркелова к красоте и книжного слова, и иконного образа обусловило широкий репертуар прозвучавших на заседании докладов.

Первая его часть была посвящена новым находкам и интерпретациям письменных и иконографических источников древнерусской традиции.

Открыл заседание А. Г. Бобров (Санкт-Петербург) с сообщением «Новое прочтение монограммы Ефросина Белозерского». В центре внимания докладчика оказался известный сборник РНБ, Кирил.-Бел., № 11/1088, часть которого написана кирилловским книжником Ефросином. На л. 127 помещена миниатюра, изображающая кентавра-Китовраса — своего рода личная эмблема Ефросина. Под ногами кентавра находится монограмма, традиционно читавшаяся как вписанное в «омегу» имя «Ефросинъ». Согласно недавней гипотезе С. А. Шарова-Делоне, в той же монограмме читается еще одно имя — «Иоаннь» (таково, еще ранее полагал Бобров, было мирское имя Ефросина). Новейшим же стоит признать третий вариант прочтения, который предложил Г. В. Маркелов: помимо названных — Ефросина и Иоанна — монограмма содержит и третье имя — «Ефремъ». Дело в том, что в этой же рукописи помещена миниатюра с изображением Александра Македонского, подписанная именем Ефрема (по И. Д. Соловьевой, Ефрема Требеса). Таким образом, парная ей миниатюра с Китоврасом также стала подписной, поскольку в монограмме, по мнению Боброва, оказалось сокрыто имя не только владельца рукописи, Иоанна-Ефросина, но и выполнившего обе миниатюры и саму монограмму художника Ефрема.

Доклад М. А. Бабкина (Москва) «Титулование архиереев и лиц царского дома по материалам служебников начала XVII — начала XXI в.» также затронул близкую юбиляру тематику источниковедческих исследований. По замечанию автора доклада, в 400-летней традиции печатных служебников, как в зеркале, отразилась идея противостояния священства царской

власти. Тексты служебников претерпевали немало изменений, однако титулования в них архиереев и лиц царского дома постоянно менялись. С одной стороны, архиерейские титулования со временем только расширялись (так, начиная с Никона, на богослужениях поминался не один патриарх, как то было ранее, но и епархиальные владыки), усложнялись и учащались. С другой стороны, поминания царской семьи столь же неуклонно сокращались — в случае как с титулатурой, так и с кругом поминаемых лиц. Реанимация в начале XX века давней проблемы «священство—царство» и активная роль Синода в низложении российской монархии привели к тому, что в марте 1917 года поминания лиц царского дома были исключены из богослужебной практики. В дальнейшем, при патриархе Тихоне, процесс усложнения титула главы Русской церкви продолжился. Эта тенденция пережила XX век и все еще наблюдается в наши дни.

На анализе древнерусской иконографии в докладе «Возраст преподобного как признак святости (по книжной миниатюре конца XVI — начала XVIII вв.)» сосредоточилась ученица Г. В. Маркелова Н. Э. Юферева (Санкт-Петербург). Материалом ее разысканий стали лицевые списки житий русских святых: Антония Сийского, Сергия Радонежского, Зосимы и Савватия Соловецких. Миниатюры этих рукописей свидетельствуют о том, что их создатели стремились передать внешние признаки возраста святого в соответствии не столько с естественным течением времени, сколько с его духовным возрастанием в святость. Так, например, прп. Антоний показан юношей в момент своего прихода в монастырь и старцем — при рукоположении в священника, хотя из текста Жития следует, что между двумя этими событиями прошел только один год. Схожий прием использован и в Житии прп. Сергия, каждый этап визуального «взросления» которого (от юноши через «средовека» до седого старца) привязан не к его биологическому (известному по тексту Жития), но — к духовному возрасту. По той же схеме происходит обретение святости, а вместе с ней и старческой бороды в Житии прп. Зосимы: святой окончательно принимает облик «средовека» только после своего ухода в Поморье, а двухдневный путь до Соловков «превращает» его в старца. Таким образом, на миниатюрах преподобнических житий возраст является признаком святости, а сам процесс перехода от биологически обусловленного облика святого (в детстве и отрочестве) к его обобщенному иконописному образу (в старчестве) может быть назван иконизацией — как некогда назвал схожее явление

(правда, в ином, хронологическом, преломлении) Маркелов.

Продолжил иконографическую тематику доклад А. Б. Беловой (Санкт-Петербург) «Пишущий человек в древнерусской книжной миниатюре». Изображение писца было одним из частых сюжетов русской книжной иллюстрации XI–XVIII веков. Миниатюры с пишущим человеком можно встретить в Евангелиях и Псалтырях, лицевых житиях и летописях, святоотеческой литературе и синодиках, азбуковниках и певческих рукописях. На выходных миниатюрах обычно показаны переписчики, копирующие книги: евангелисты и апостолы, царь Давид и Отцы Церкви и др. В лицевых житиях и летописях могут изображаться как упомянутые в тексте, так и подразумеваемые сюжетом лица (например, писцы псалмов и анонимные писцы, рассеянные по томам Лицевого летописного свода). На протяжении всего времени существования древнерусской книжной миниатюры поза и ракурс изображения пишущих менялись мало — наиболее сильные изменения коснулись инструментов письма. Так, если в XI–XIV веках наблюдается богатый набор предметов на столе писца (в том числе для работы с пергаменом), то в XV веке стол оказывается почти пустым, а в XVI–XVII веках он вновь наполняется новыми инструментами. Это отражает переход от пергамента к бумаге. Постепенно меняется и частота изображений отдельных предметов: свечи массово появляются на миниатюрах лишь в XVII веке, а на иллюстрациях XV века отсутствуют перницы-рога. Лицевые рукописи позволяют судить о позах пишущих, но крайне ненадежны при решении вопроса о способах удержания пера. Миниатюры бывали точны в изображении современных им деталей (например, формы чернильниц), однако некоторые инструменты (например, каракса) не изображались вовсе. Важно, что иконография пишущего менялась во времени — вместе с трансформацией практики письма и набора письменных принадлежностей.

Тематика второй части заседания относилась к истории и современной жизни Древлехранилища Пушкинского Дома, трудам на благо которого Г. В. Маркелов отдал много сил и лет своей жизни.

Первым прозвучал доклад М. В. Кужлева (Санкт-Петербург) «Великановский сборник Древлехранилища и его антиграф» — о рукописи, не так давно ставшей предметом монографического исследования Г. В. Маркелова «Искры Аввакумова костра. Протопоп Аввакум и духовное наследие Древней Руси в творчестве А. А. Великанова» (СПб., 2020). Сборник содержит лицевой список Жития протопопа Аввакума и ряд других его сочинений с прибавлением текстов анонимных книжников-старообрядцев. Автором сборника был ярославский иконописец Великанов, а сама рукопись датируется началом XX века. Согласно Н. С. Демковой, список Жития в кодексе Великанова принадлежит к особому виду редакции

Б, представленному четырьмя списками, три из которых имеют ярославское происхождение. Вместе ярославские списки составляют отдельную разновидность особого вида. Эти списки дефектны, но сохранили ряд архетипных чтений, утраченных в основном виде редакции Б. Демкова полагала, что все три ярославских списка имеют общий протограф. Один из списков, Ярославского музея-заповедника (далее — ЯМЗ) № 965 (15106), восходит к нему непосредственно, тогда как другой, ЯМЗ № 121 (15367), и Великановский список — через общий для них источник. Такая схема взаимного отношения может быть скорректирована. Выявленная зависимость заглавий и маргиналий сборников ЯМЗ 121 и Великанова и вместе с тем общность их состава и некоторых ошибок говорят о том, что второй списан с первого. Рукопись ЯМЗ 121, послужившая антиграфом для списка Великанова, имеет большое число буквиц, заставок, вязи. Можно допустить, что именно богатство декора ЯМЗ 121 побудило Великанова скопировать его текст и сопроводить его собственным оригинальным декором.

Е. Д. Конусова (Санкт-Петербург) в докладе «„Шлю привет и поздравления Вашему юному сотруднику Глебу...“: письма Г. П. Гунькина В. И. Малышеву» коснулась истории Древлехранилища. Гунькин (известный также под псевдонимом Г. Гунн), писатель и знаток древностей, архитектуры и природы Русского Севера, на протяжении семи лет был корреспондентом основателя Древлехранилища Малышева. За время знакомства между Гунькиным и Малышевым состоялись три личные встречи, большая часть их общения носила эпистолярный характер. Сохранилось 35 писем Гунькина к Малышеву за период с 1969 по 1976 год. Инициатором знакомства стал Малышев, оставивший благожелательный отзыв на очерк Гунькина «Сказание о Пустозерске...». Впоследствии Гунькин не раз обращался к Малышеву в связи с созданием и публикацией своих произведений. Так, в переписке отразились коллизии, сопровождавшие издание книги «Очарованная Русь», а также просьбы о консультациях и содействии, которые требовались Гунькину при подготовке двух его книг о Печоре. После знакомства с Малышевым поездки Гунькина по Русскому Северу приобрели новый, археографический, оборот. В 1972 году Гунькин сообщил Малышеву о результатах экспедиции на Северную Двину и неудачных поисках библиотеки крестьянина Н. И. Заборского. Позднее, во второй половине 1970-х годов, благодаря Гунькину дневник Заборского пополнил Северодвинское собрание Древлехранилища. Контакты Гунькина с Древлехранилищем продолжились и после смерти в 1976 году Малышева. Сохранившаяся же переписка двух почитателей Русского Севера является ценным источником биографического и культурного характера.

Доклад А. Б. Бильдюг (Санкт-Петербург) и А. И. Васкул (Санкт-Петербург) «„От одного

грамотея к другому“: истории из жизни рукописей Дрeвлехранилища» был посвящен различным аспектам археографической работы сотрудников Института. Во главе угла такой работы стоит тезис В. И. Малышева о необходимости фиксации как судеб хранителей рукописных книг, так и фактов перехода рукописей из одних рук в другие. С опорой на наставления, полученные некогда от старших коллег, и памятуя об опыте собственных поездок, докладчицы обратились к отчетам экспедиций 1970–1980-х годов, особенно тех, в которых принимал участие Г. В. Маркелов. Их география включала Печору, Онежский полуостров (с посещением опустевшего Амбургского скита), ряд районов Архангельской области и Карельской АССР. Поездка Маркелова в Латвию в 1972 году (книжные богатства которой были разведаны ранее Малышевым и Ф. А. Каликиным) положила начало целой серии его экспедиций в этот регион и в конечном счете привела к появлению Латгальского собрания Дрeвлехранилища. Часть этих поездок Маркелов совершал вместе с другими видными археографами: А. Х. Горфункелем, В. К. Зиборовым, Г. М. Прохоровым и др. Методика и ход полевых экспедиций в отчетах описаны весьма кратко. И все же отчеты позволили сделать некоторые, зачастую шуточные — в духе юбилейного торжества — наблюдения относительно способов получения рукописей от старообрядцев (будь то заготовка дров или обмен книг на

колодезную воду), а также перевозки рукописных книг в Дрeвлехранилище (где-то пешком, где-то при помощи гужевой либо же более современного транспорта). Такие истории, местами не вполне серьезные, но не лишённые при этом подлинного археографического опыта, прекрасно иллюстрируют тот процесс естественной жизни рукописей, на который призвал обратить внимание Малышев, а именно — переход рукописных книг от одного собирателя, или «грамотея», к другому.

Итог заседанию подвел Е. Г. Водолазкин (Санкт-Петербург). Его выступление «Новое о „готских девах“» было облечено в стихотворную форму и адресовано юбиляру.

Официальную часть мероприятия венчала музыкальная композиция — две пьесы для фортепиано («Древнерусские рукописи» и «Посвящение Г. В. Маркелову»), сочиненные и исполненные Г. Юферевым, а также презентация нового издания, подготовленного усилиями Г. В. Маркелова и Ф. В. Панченко, «Художественное убранство поморских рукописных книг XVIII–XIX вв. По материалам Пушкинского Дома. Исследование, каталог, альбом» (СПб., 2022).

Видеозапись докладов (в двух частях) доступна на официальном YouTube-канале Пушкинского Дома.

© А. Б. Белова

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-273-274

ШЕСТОЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»

20 февраля 2023 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась шестой научный семинар «Русская литература в советскую эпоху». Приветствуя коллег и гостей заседания, Н. А. Прозорова напомнила, что семинар проходит в рамках работы Центра по изучению литературного наследия советской эпохи.

Открыл семинар доклад Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) «Образ Н. Гумилева и гумилевский интертекст в романе М. А. Зенкевича „Мужичкий сфинкс“», посвященный вопросам рецепции и преломления посмертного образа Гумилева и его творчества в сознании современников. Роман Зенкевича «Мужичкий сфинкс» (работа над ним была начата два месяца спустя после расстрела автора «Огненного столпа») в ряду откликов на смерть Гумилева занимает особое место. Поэт становится персонажем, участвующим в развитии фантастического сюжета произведения Зенкевича,

одним из центров которого является художественный миф о Петрограде-Петрополе, в котором происходит встреча живого рассказчика и «ожившего покойника». Гумилев присутствует в «Мужичком сфинксе» в виде системы интертекстуальных отсылок к его знаменитому стихотворению «Заблудившийся трамвай». Особенно востребованными для Зенкевича оказались образы гильотины, плахи, палача и отрубленной головы, получившие катастрофическую коннотацию уже в стихотворении Гумилева. Будучи «процитированными» в романе, они семантически участвуют в формировании образа всеограшающей эпохи — революции, погубившей жизнь поэта.

Доклад М. С. Инге-Вечтомовой (Санкт-Петербург) и Н. А. Прозоровой (Санкт-Петербург) «Неизвестные страницы биографии А. А. Фадеева и Е. А. Вечтомовой» был подготовлен на базе материалов семейного архива Инге-Вечтомовых. Дневниковые записи писательницы